

Писатель Василий Золотов, автор романов «Замануха», «Земля горячая», работает над книгой о Степане Крашенинникове, известном исследователе Камчатки. Мы предлагаем читателям отрывок из этой повести.

КАК только собаки были накормлены, Степан и каюр решили почивать. Костер заложили на берегу бойкой речонки. Местами она и зимой не замерзала, разгонисто, с шумом неслась по каменному ложу. Здесь в нее впадает другая, такая же яростная речка. Два потока слились и понеслись в обнимку, слышался рев и гул. Можно часами сидеть тут, разбираясь в струях, омывающих лобастые валуны. Степан долго искал ритм в этом хаотическом творчестве. Мало-помалу его дыхание, удары пульса крови нашли себе отклик в этом гуле. Он вспомнил неистовство вулкана, оно тоже шло в ритме.

Каюр притащил четыре округлых слоистых булыжника, обложив ими дружно занявшийся сушняк. Степан сел к костру, согная озноб. Стало тепло, и путники вскоре размели. Собаки лежали немного поодаль, на снегу, положив морды на вытянутые лапы.

Чаевка уже подходила к концу, жаркое кострище стало малиновым, как вдруг один из камней треснул, слоисто развалился. Кварц отшел от сланца, и Степана поразил неожиданный золотистый блеск. На разломе камня мельтешили тысячи спящих пылинки. Степан впился в них глазами, с живым интересом рассматривал крутой излом камня. Сколько веков, а может быть, и миллионы лет был он замком о семи секретах, а вот и раскрылся! Под кварцевой рубашкой поигрывал налет какого-то минерала, а может быть, и золота. Камчадалы, судя по всему, не знали цены драгоценному металлу и не искали его. Самый дорогой металл для них — железо.

Степан потрогал палкой округлые булыжники. А ведь, пожалуй, они не местные. Река, поди, прикатила их с далеких нагорий, там скорей всего и рождены они, извергнуты с немислимых глубин в лавовом потоке.

Многое Крашенинникову до этого было неясно. Например, каковы причины появления золота в речных долинах Урала, Василий Никитич Татищев при встрече, помнится, утверждал (Степану памятен разговор с ним), что россыпи возникли на месте разрушения жил. Другие говорили, что реки приносят драгоценный песок с горных хребтов, и это казалось ближе к истине, хотя и здесь существовало «но». Ведь золото гораздо тяжелее воды, так что далеко унести его вода не могла. А тут вот природа сама подсказала ответ: могучий поток прикатил пронизанные рудами кругляки — на, человеке, бери, пользуйся!

Было чему дивиться. Каюр, заметив блестящий излом треснувшего камня, тоже в изумлении потянулся к нему. Его разбирало любопытство — что это такое? Вот бы парку для

Лылях отделать этими блестящими!

Взгляд его, озадаченный и пылкий, то обращен был к Степану, то перебегал на загадочный камень. Тайна камня волновала смятенного северянина. Почему нутро окатыша тало от людей таинственный блеск? По чьей воле камень развалился? Возможно, какой-то злой дух укрывался внутри булыжника и захотел выйти на волю? Уж не знает ли Степан тайного слова?

Крашенинников в самом деле, полный загадочности, сидел у костра недвижим, как

— Ого, пуд! Однако, горько будет.

— Золото подсласит. Каюр недоверчиво покачал головой и вразвалку пошел к упряжке. Степан же, пока собаки отдыхали, остался у костра. Переливы углей, червоточный отблеск развалившегося камня позывали на размышления.

Любой минерал — лишь временная постройка вечно движущихся частей вещества. Исчезнувшие мамонты, нынешние киты, миллионы пудов рыбы, сибирская тайга, тучные злаки и бабки, косяки степных коней,

они не утратили, а, напротив, смотрели доверчиво и с любопытством: куда это, дескать, мы залетели?

Да и сам хозяин вместе с птицами куда залетел? Слыхано ли, сколько тысяч верст отмахал в медвежью глушь. Сколько годов, сколько снегов промчалось — не упомнить.

Там, на рязанском ополке, откуда пришел он, теперь тихо — отвадили русичи проклятых крымчаков от набегов. Спокойно дремлют сторожевые засеки, валом повалил на родушка заселять бывшее Дикое поле.

Тихомир бросил в горн остывшую «чушку», начал раздувать мехами пламя. Под мерные вздохи мехов стал он рассказывать охотнику просто, как ложится в рыхлую пашню зерно, как оно прорастает, радуется солнцу и дождю, тянется в небо, колосится, наливают молодое зерно.

Представилось ему поле, такое знакомое с детства... Вот сполохнулась за речной далью нива, и пошел-покатил желтовато-зеленый вал. Минута, другая... Качнулась стена земным поклоном тяжелых коло-сцев. Качнулась и вновь выпрямилась. В лицо пахнуло застойным жаром, тончайшим духом созревающего зерна. А ветер-шалун, бог весть откуда взявшийся в этот тихий час, торопливо погнался издала гребень новой волны. Потом задурился: то валил стебли поперек поля, то набегал с разных сторон, от чего ячмень начинало хороводить, то вдруг пускал встречные валы, и Тихомир с замирающим сердцем ждал, когда они сольются, бесшумно и мягко.

— Ты, однако, нынче богат, Тихомир, — бросил он вместо приветствия.

— Мое богатство, Камак, не золото.

— В стране Уйкоаль железо дороже золота.

— Дороже для чужих, своим цена божеская. Что тебе отковать? — поинтересовался Тихомир.

— Сам понимаешь, охотнику стрела давай, нож давай, топор неси.

— В кого стрелу посылать будешь?

Камак лукаво повел прищуренным глазом.

— Ты не знаешь, в кого? — спросил он с ухмылкой. — Белка гуляй тайга, соболю гуляй.

Тихомир с пристальной задумчивостью посмотрел в лицо камчадала:

— Не потребишь ли во зло стрелу, Камак? Ведь стрела без крови не живет.

Улыбка сбежала с лица охотника. Взгляд его нехорошо вспыхнул. Он заговорил о том, как бы поступил сам Тихомир, если бы враги подкараулили его и напали из засады. Чтобы тогда казак стал делать? Отбиваться начал или подставил голову?

Тихомир был озадачен. Он хорошо знал, что камчадалы иногда ходили острожек на острожек. Бои начинались, казалось бы, из-за сущего пустяка: ребятишки, играя, не поделили что-то, бывало и другое — соседу, будучи в гостях, представилось, что его на званом пиру обнесли хмельным суслом, настоенном на мухоморе, значит, не люб сосед...

— Ты вот, Камак, — Тихомир положил руку на плечо охотника, — не обижайся на меня. Стрел я тебе откую, но самое главное — откую лопату и все, что необходимо для сохи и бороны. Землю надо пахать, хлеб сеять, капусту, морковь и всякую другую овощь заводить. Жить надо, а не умирать, без опаски жить, в мире.

Говорил Тихомир про то, что было близко душе Камака, — о владыке жизни Билюкае, который в свое время наполнил реки, моря и озерные глубины рыбой, пустил в тайгу медведя, зайца, лису, белку, соболя, птицу. Что же тогда заставляет камчадалов охотиться друг за другом?

— Пойми, Камак, когда один острожек с другим согласны, тогда вы сильные, бессилие же ваше — в разладе. Глухота оленей людей может погубить землю Уйкоаль.

Камак слушал Тихомира, молчал. То ли устыдился слов Тихомира и ничего не мог ему возразить, то ли собрался с мыслями.

— А что такое соха? Стреляет пук-пук? — вдруг загорелся Камак с неподдельным интересом.

Тихомир от всей души, по-детски залился неудержимым хохотом.

— Кой черт «пук-пук», скажет тоже, — казак вытер тыльной стороной ладони слезы, выжатые смехом. — Соха поднимает землю. Ясно? Говорят, с Лены пришли к нам мужики, поселились в Милковом займище. Ячмень растят,

Тихомир бросил в горн остывшую «чушку», начал раздувать мехами пламя. Под мерные вздохи мехов стал он рассказывать охотнику просто, как ложится в рыхлую пашню зерно, как оно прорастает, радуется солнцу и дождю, тянется в небо, колосится, наливают молодое зерно.

Представилось ему поле, такое знакомое с детства... Вот сполохнулась за речной далью нива, и пошел-покатил желтовато-зеленый вал. Минута, другая... Качнулась стена земным поклоном тяжелых коло-сцев. Качнулась и вновь выпрямилась. В лицо пахнуло застойным жаром, тончайшим духом созревающего зерна. А ветер-шалун, бог весть откуда взявшийся в этот тихий час, торопливо погнался издала гребень новой волны. Потом задурился: то валил стебли поперек поля, то набегал с разных сторон, от чего ячмень начинало хороводить, то вдруг пускал встречные валы, и Тихомир с замирающим сердцем ждал, когда они сольются, бесшумно и мягко.

— Соха — кормилица, жизнь дает хлебу. С почтением надо к ней. В железные сапожки обуем, — наговаривал себе в бороду Тихомир, — выбелим сапожки о камчатскую дернину, сошники на солнце — что твоё зеркало.

Разворошив угли в горне, казак выхватил длиннорукими щипцами «чушку», бросил на наковальню — во все стороны брызнули искры, запахло окалиной. Сноровисто разрубив поковку на две половины, Тихомир принялся плеснуть желтым молотом одну из половинок. Камак неотрывно, будто замороженный, следил за проворными, хваткими движениями казака. Сам Камак в своем деле тоже был мастер.

Лучше его на Кирганике никто не вычитывал из кремня наконечники для стрел. Шлифовал он их старательно, как иглы, до тех пор шлифовал, пока стрела в полете не становилась пезуной. Не умел только охотник изготавливать стрелы из металла. Секрет горячейковки и литья знали только солнцеголовые люди, авахи, то есть русские, сами же они, если попадали в их руки скудный кусочек металла, мяли его холодной ковкой.

Тихомир ловко размолотил кусок железа в тонкую лепешку, полюбозавался ею, потом взял меньший ловкий молоток и с помощью клещей начал потихоньку загибать края «лепешки». Сначала один край загнул, потом другой. Получилось что-то вроде остроносого башмака. Теперь надо нос этого самого башмака по краям сплющить, сделать обоюдоострым, послековки отточить хорошенько рашпилем и бруском. Вот и сошники готовы! Надевай его на деревянную лапу сохи и, пожалуй, отбеливай на камчатской целине, отродясь не потревоженной человеком.

— Тук-тук! — улыбнулся охотник. — Тук-тук! Карашо!

— Ну и славно, Камак. Хочется, чтобы железо, кое скова я, пригодилось вам. Котлов наработаем, гвоздей, петель, скоб для крепки накуем — дом ставить будем. Пора тебе, Камак, хороший дом заводить.

Василий ЗОЛОТОВ

ДАЛЬНИЙ ПОГЛЯД

Отрывок из повести о Степане Крашенинникове

камчадалский деревянный божок, словно возле него никого и не было; задумчиво всматривался в малиновый распал кострища, будто смысл всех тайн бытия был заключен в нем, в этом кострище. Каюру часто приходилось замечать, что Крашенинников мог подолгу совершенно отключаться от всего окружающего, просто смотреть сквозь пространство, не допуская никого к молчаливой беседе с самим собой.

— Степан, а Степан!.. — Куда там, не слышит, чудачком глядит.

Наконец, студент оторвался от скрытых мыслей, как бы очнулся и, поняв вопрошающий взгляд каюра, кивнул на треснувший булыжник.

— Кварц это, возможно есть и золото, — сказал и малость запнулся. — Быть может, полевой шпат припутался.

По взгляду каюра Крашенинников догадался, что он ничего не понял, и тогда студент терпеливо стал объяснять ему, что долины и горы таят много богатств.

Есть великая радость открытия — человек глянул, и ему неудержимо захотелось получить силу первого взгляда на вещь немедленно передать другому. Это очень большая сила, с нее, быть может, начинается цивилизация. От первого взгляда человека на явление и последующего страстного желания поделиться с другим человеком — надежный мост к познанию. Это нечто иное — как протянутая рука к Прометееву огню.

— А как взять богатство? — хитро сбочил голову каюр.

— Про то и наука. С рудознатоками не один пуд соли надо съесть.

табуны оленей, тьма саранчи — вся эта живая бездна, миллиарды пудов живого вещества — все это бегущее, плывущее, ползущее и летящее, раущее к небесам, исподволь растущее, все это живет, взаимодействует, потребляет, плодится, умирает и дает новые формы жизни! Все это определяет лик земли.

Разве можно отрывать жизнь от всего происходящего в земной коре, если живая громада всего сущего на свете соизмерима с глыбами горной породы!

Выкатив из костра лопнувший окатыш, Степан дал ему время остыть, решил взять с собой. Видя, что Крашенинников укладывает загадочный камень в сумку, подошедший каюр удивился:

— Зачем берешь? На шею вешать? Для кого стараешься?

— Для России. В копилку кладу. Если днешне не пригодится, так для будущего. — Крашенинников со значением прищурил глаз. — О любых делах надобно думать не без дальнего погляда.

ТИХОМИР в Верхнекамчатском острожке обжился неплохо. Несколько лет назад срубил себе из бревен в обхват добротный дом с подклеем и затейным крыльцом. Дом по этим глухим, запрещенным местам видимый, щеголяет подзорами и кружевными причелинами, убранный всякого рода резными завитушками. По концам карниза усеялись причудливые улыбающиеся львы. Да еще изукрасил Тихомир коньком-охупенем, который неудержимо рвется в высокое камчатское небо. Искупо пустил он по карнизу полудев, полурыб, берегиношек-русолок, изобразил также Сирина да Гамаюна. Никого

Жить бы себе и жить в отчем краю, да беда приключилась с Тихомиром. Зимой на святки в полубовном кулачном бою нечаянно уложил он на смерть сотника Мирона Колесова. Пришлось тайно уйти в Сибирь, а потом на Камчатку, поверстаться в казаки.

Исправно несет службу Тихомир. Доверено ему с другими казаками явасную казну сопровождать до Москвы. Недавно вернулся, благополучно доставил ясак. Вез из России подарки: кухонную утварь, посуду, ножи, топоры. Да как говорится, по добру — добро, а по худу — худо: разбилось судно о рифы, едва удалось спастись. В одной рубашке-перемызашке отпустило море. Все подарки пришлось поместить ненасытному Нептуну. Жизнь выкупил...

Охотник Камак просил привезти котел и топор. Порядочный мужик Камак, слову держится, чужого хлеба не перест, сам умеет добыть — с одной стрелы бьет соболя. Как по-дружески не пожаловать человеку топор и котел, да вот нахраписто взяло море обещанный подарок, спроси попробуй с него, моря-то. А все же странно выходит, будто бы в чем-то виноват Тихомир перед Камаком. При встрече с охотником становится неловко.

Зайдет кто-нибудь из камчадалов к Тихомиру в дом и начинает стричь любопытными глазами по стенам хоромины: ружье в простенке, рядом — тесак, на верстаке — вразброс — коловорот, стамески, рубанок, молотки да ножовки.

Однажды из Кирганика примчался на собачьей упряжке Камак. Он и раньше частенько заглядывал в кузницу, и Ти-